

ПРАВОСЛАВНОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

1861.

НОЯБРЬ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ПРОИСХОЖДЕНІИ РАСКОЛА ВЪ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Въ нашей историко-полемиической литературѣ относительно раскола признано, что почва для него образовалась гораздо ранѣе XVII вѣка. Этой почвой, говорятъ, послужила чрезмѣрная привязанность къ книжной буквѣ и внѣшней обрядности. А ближайшими причинами раскола въ томъ видѣ, какъ онъ явился, называютъ — удаленіе патриархомъ Никономъ іосифовскихъ справщиковъ книгъ, — мѣры, употребленныя имъ при введеніи въ употребленіе книгъ новоисправленныхъ, за тѣмъ — боярскія интриги и слабость царя Алексѣя Михайловича. Такимъ образомъ выходитъ, что расколъ въ русской церкви произошелъ вслѣдствіе условныхъ обстоятельствъ, возникшихъ въ началѣ второй половины XVII вѣка, по милости главныхъ дѣятелей этой эпохи на поприщѣ церковномъ и гражданскомъ, и есть въ этомъ отношеніи явленіе чисто случайное (*).

(*) Христ. Чт. 1861 г. Кн. Февр. стр. 148.

При такомъ взглядѣ на расколъ не обращается надеждащаго вниманія на отзывы самихъ раскольниковъ о причинахъ раскола; въ этихъ отзывахъ обыкновенно отыскиваютъ только заднюю мысль, забывая объ ихъ непосредственномъ значеніи, которое однако могло имѣть и имѣло рѣшительное вліяніе на умы народа.

Сами раскольники причиной происхожденія раскола признаютъ не вообще исправленіе богослужебныхъ книгъ и неминуемо происходящія отсюда разности въ буквѣ книгъ, а иногда и въ обрядахъ; но исправленіе книгъ патріархомъ Никономъ и характеръ этого исправленія: они говорятъ то, вслѣдствіе принятія этихъ книгъ русская церковь впала въ *латинство*. Такихъ образомъ, разности обрядовъ и книжной буквы, происшедшія вслѣдствіе этого исправленія, въ глазахъ раскольниковъ имѣютъ не то значеніе, какое даемъ имъ мы. Наши изслѣдователи упоминаютъ же, что раскольники обвиняютъ Никона за то, будто онъ «едино точию въ разумѣ имѣлъ—древнее отеческое благочестіе истребити, а инославное *римское* нечестіе утвердити»; что склонность въ Никонъ къ латинству раскольники объясняютъ вліяніемъ Арсенія Грека;—что Нероновъ говорилъ самому Никону: «ты хвалишь законоположеніе *иноземцевъ* и обычаи тѣхъ приемишь; нынѣ у тебя то и святые люди: *греканы* и изъ Малыя Руссіи»..., и царю Алексѣю Михайловичу: «молимъ тя, государь, иностранныхъ иноковъ, *ересей вводителей*, въ совѣтъ не принимай» (*). Изъ этихъ раскольническихъ отзывовъ ясно, что точкою отправленія первыхъ расколуучителей въ борьбѣ противъ Никона и его дѣла, служилъ интересъ внутренній—боязнь допустить уклоненіе церкви въ ересь,—и собственно въ латинство. Для

(*) См. указанную ст. въ Хр. Чт.

исторіи раскола важно прослѣдить, какимъ образомъ могло образоваться и имѣть силу въ народѣ то предубѣжденіе противъ дѣла Никона, по которому расколуучители объявили это дѣло *латинскимъ*, книги — наполненными ересями, преимущественно *латинскими*.

Извѣстно, что патріархъ Никонъ, предпринимая церковное исправленіе, обратился къ авторитету Востока. Чтобы понять тѣ предубѣжденія, какими встрѣчено было дѣло Никона, нужно посмотреть, каково было тогдашнее общественное на Руси мнѣніе о грекахъ? Нашъ народъ не могъ провести для себя ясной границы между понятіями о существѣ самой вѣры, хранимой Востокомъ, и народнымъ характеромъ грековъ, между понятіями о церкви и случайными ея представителями въ греческомъ духовенствѣ. Мы увидимъ, что для нашего народа было много данныхъ составить невыгодное понятіе о грекахъ, которое потомъ перенесено было и на самую греческую церковь.

Говоря еще о первомъ, исторически вѣрномъ столкновеніи русскихъ съ греками, нашъ лѣтописецъ замѣчаетъ: «а Греци лстиви суть и до сего дне.» Этотъ отзывъ о грекахъ написанъ инокомъ, лицомъ вполне преданнымъ христіанству и іерархіи, — написанъ въ то время, когда у насъ не отдѣляли понятія о грекѣ отъ понятія о православномъ христіанинѣ, — написанъ въ то время, когда высшими лицами іерархіи у насъ были почти постоянно греки. Чѣмъ объяснить такое раннее нерасположеніе русскаго человека къ грекамъ: инстинктивною ли, племенною ли только непріязнью къ иноземцамъ, или эта непріязнь имѣла уже данное основаніе, была заимствована русскими отъ другихъ, передовыхъ славянскихъ поколѣній, раньше столкнувшихся съ греками и испытавшихъ на себѣ всю тяжесть ихъ хитрой

политики, злоупотреблявшей религіознымъ вліяніемъ, всюду пускавшей въ ходъ свои интриги и находившей себѣ поборниковъ даже между лицами церковной іерархіи,—политики, безъ сомнѣнія, глубоко оскорблявшей національное и религіозное чувства, особенно дорогія славянамъ?—Какъ бы то ни было, а чувство недовѣрчивости легло въ основу отношеній русскаго народа къ грекамъ. Не признавать участія народныхъ симпатій и антипатій въ дѣлахъ хотя бы и религіозныхъ — несправедливо. Только недовѣрчивостью къ грекамъ можно объяснить равнодушіе перваго русско-христіанскаго общества къ греческимъ монастырямъ, основаннымъ въ Кіевѣ, и къ греческимъ инокамъ, выходившимъ на Русь,—равнодушіе, видимое изъ повѣствованія того же лѣтописца; между тѣмъ какъ тогда же, то же самое общество выказывало горячее сочувствіе монастырямъ и инокамъ чисто-русскимъ. Недовѣрчивостью можно отчасти объяснить и извѣстныя всѣмъ попытки русскихъ князей поставять себѣ митрополита въ Кіевѣ, или, если въ Константинополь,—по крайней мѣрѣ, съ согласія великаго князя (*). Недовѣрчивость эту усиливали иногда сами цареградскіе патріархи своими опрометчивыми дѣйствіями относительно Русской церкви, поставляя иногда двухъ митрополитовъ, одного при жизни другаго, отчего происходили церковныя смуты на Руси (**). Эта недовѣрчивость достигла высшей степени, по случаю принятія флорентійской уніи поставленнымъ въ Константинополь московскимъ митрополитомъ—грекомъ (***) . Съ этого времени особенно замѣчается сильный поворотъ въ мнѣніяхъ русскихъ людей не только уже

(*) См. Ист. Р. церкви пр. Филарета, пер. 1, стр. 107—111.

(**) См. тамъ же пер. II, стр. 80—89.

(***) См. тамъ же пер. III, стр. 12.

о грекахъ, но и о самой греческой церкви. Когда, случалось, приходившіе изъ латинскихъ странъ хотѣли спорить о вѣрѣ,—въ прежніе времена русскіе отсылали ихъ къ своимъ учителямъ — въ Царьградъ; а теперь говорятъ, что «вроустей земли большее православіе и вышшее христіанство», чѣмъ въ Греціи (*). Прежде предавали церковному проклятію тѣхъ, «кто не повинуется великой церкви, еже есть софѣи премудрости Божіа царяграда патріарху, еже есть во всей вселеннѣи православнымъ церквамъ правило и мати» (**); а теперь самъ великій князь говоритъ Исидору, что бы онъ принесъ съ собора то греческое православіе, которое принялъ Владиміръ, и потомъ—вноситъ даже въ архіерейскую присягу пунктъ, которымъ архіерей обязывается не принимать никого, приняшаго священныи санъ отъ папы или въ Цареградѣ, и не признавать этотъ санъ законнымъ. Перемена слишкомъ рѣзкая!

Уже прежде, до принятія константинопольскими императорами и патріархами флорентійской уніи, могли доноситься на Русь слухи объ ихъ вѣроисповѣдныхъ колебаніяхъ, объ ихъ наклонности къ латинству. Византійскій дворъ и здѣсь оставался вѣренъ своей политикѣ: изъ желанія вырвать прежнія области изъ рукъ османовъ онъ готовъ былъ за помощь Запада измѣнить православію, находилъ иногда себѣ помощниковъ и въ патріархахъ, представляемыхъ при помощи дворскихъ интригъ. По принятіи флорентійской уніи до самого паденія Константинополя предстоятели цареградской церкви нерѣдко были уніаты. Въ уніи застало Константинополь и паденіе его. Самое

(*) Минея-четья, Мартъ. Рукоп. каз. акад. биб. № 510; сл. . II соб. р. лѣт. VI.

(**) Сборники каз. акад. биб. №№ 867 и 907.

паденіе Царяграда въ глазахъ тогдашняго русскаго чело-
вѣка, какъ сей часъ увидимъ изъ свидѣтельствъ памят-
никовъ, было явнымъ знакомъ преступности народа, пре-
ступности его царей и предстоятелей предъ Богомъ. По
случаю явленія Тихвинской иконы Богоматери русскіе
приписывали самимъ патріархамъ Константинополя такіе
слова: «нача быти въ самѣхъ патріарсѣхъ и во грецѣхъ
гордость и братоненавидѣніе и неправда; тогдажъ чюдо-
творная та икона пречыстѣ Богородицы одигитрия изыде
изъ царствующаго града» (*). А по случаю паденія Кон-
стантинополя прямо говорили, что по флорентійскомъ со-
борѣ «всякое исцроение нача быти въ нихъ (грекахъ), и
отъ того времени марьградъ безбожными тоурки одрѣжишъ бѣ
и многая злая постигоша за отступленіе православія» (**).
Инокъ Филоеѣй (XV—XVI в.) въ посланіи дьяку Мисюрю—
Мунехину говорить: «како греческое царство разорися и
и не съзиждется, сія вся случися грѣхъ ради нашихъ. Понеже
они (греки) предаша гречьскую вѣру въ латыньство» (***).
Выдумана была даже повѣсть о бѣломъ клубукѣ новгород-
скомъ, въ которой явившіеся п. Филоеѣю Константинъ ве-
ликій и папа Сильвестръ говорятъ, что клубукъ не мо-
жетъ остаться въ Константинополѣ, потому что вѣра и
благочестіе въ немъ погибнуть и перейдутъ въ Русь.
Хотя первый константинопольскій патріархъ, по паденіи
имперіи, Геннадій и успѣлъ торжественно засвидѣтельство-
вать православіе свое и своей паствы, хотя объ этомъ сви-
дѣтельствовалъ предъ лицомъ русской церкви всѣми ува-
жаемый первосвятитель ея св. митрополить Іона: но это не

(*) Сб. каз. ак. биб. № 857.

(**) Упом. минея-четья.

(***) Сборники каз. ак. 6. №№ 875 и 907.

могло произвести рѣшительнаго поворота въ общественномъ мнѣніи, столь долго укоренявшемся. Нѣкоторые темные люди того времени постарались въ простыхъ умахъ русскихъ удержать греческую церковь навсегда въ латинствѣ, помимо ея воли. Составитель исторіи о бѣлохъ клубукъ пустилъ басню, будто греческія книги всѣ выкуплены латинами, которые переправили ихъ на свой ладь, и въ такомъ видѣ печатають и продають ихъ грекамъ. Такимъ образомъ всѣ греки, при помощи обмана, нерѣдко обзывались уніатами. Какъ же теперь простые изъ русскихъ могли относиться къ греческой церкви, какъ смотрѣть на нее?

Уже первые наши митрополиты и съ ними уважаемый всѣми русскими пр. Феодосій печерскій брались за перо, чтобы предохранить неокрѣпшихъ въ вѣрѣ русскихъ отъ происковъ папистовъ. Для этой цѣли они не совѣтовали русскимъ вступать даже въ житейскія сношенія съ латинами, признавали отпадшимъ отъ православія всякаго, кто водилъ знакомство съ латинами, съ жидами и мусульманами. Не забудемъ, что такой тонъ отношеній къ латинамъ былъ естественъ въ то время хитрыхъ козней Запада въ отношеніи къ Востоку. Наставленія эти глубоко запали въ умы русскихъ людей, а повторенія ихъ въ видѣ каноническихъ правилъ (*), и несчастныя столкновенія съ западными сосѣдями-латинами до того укрѣпили ихъ вліяніе, что на новгородцевъ, замышлявшихъ поддаться литовскому великому князю, чтобы избѣжать притѣсненій отъ великаго князя московскаго, русскіе смотрѣли какъ на измѣнниковъ православію, на богоотступниковъ (**). Положеніе грековъ, по паденіи Констан-

(*) *Православной Собордникъ* 1861 г. Мартъ, стр. 340.

(**) См. Соб. р. л. т. IV, подъ 1471 г. въ глв. Соѡ. 1-й 2-й.

тинополь, въ глазахъ русскихъ было еще невыгоднѣе положенія новгородцевъ.—Греки на самомъ дѣлѣ были на время, въ лицѣ своихъ представителей, гражданскихъ и церковныхъ, отступниками православія и, кромѣ того, жили среди исповѣдывавшихъ «сквернаго Божита»; между тѣмъ какъ новгородцы, не касаясь своего вѣрученія и не впуская къ себѣ ляховъ, отдавались только въ покровительство польскаго короля. Новгородцы отдавались въ это покровительство на всей своей волѣ, а греки были отданы на всю волю побѣдителей: побѣдители отбирали у нихъ церкви, утверждали имъ патриарха, отбирали у нихъ жень и дочерей для своихъ гаремовъ, дѣтей—для своихъ янычарскихъ полковъ. Все это не могло не бросаться въ глаза народу юному, сильно поражаемому виѣшностью, склонному измѣрять самое православіе по преимуществу величиною и количествомъ храмовъ, колокольнымъ звономъ, торжественностью богослуженія, существованіемъ православнаго царя. Развѣ какое нибудь чудо могло разубѣдить русскихъ того времени въ томъ, что пароды византійской имперіи не потеряны для православія; нужно было какое нибудь особенно рѣзкое событіе, свидѣтельствовавшее въ пользу православія греческой церкви, которое бы поразило умы русскаго народа и произвело переворотъ въ мнѣніяхъ,—что не бросалось въ глаза, того не видѣлъ и не могъ видѣть простой человекъ. Но такого ничего не было: отношенія церковей были невозмутимо-спокойны, какъ и слѣдовало, а между тѣмъ сами греки, не желая того, возбуждали и усиливали недоверіе и ненависть къ себѣ вліятельныхъ людей русскаго общества—бояръ и грамотѣевъ.

При Іоаннѣ III явилась въ Москву Софія Палеологъ, а за нею прибыли и многіе изъ грековъ; при дворѣ московскомъ началъ являться византійскій этикетъ,—прежнія простыя, несложныя

отношенія между вел. княземъ и его подданными начали нарушаться, почувался поворотъ къ иному порядку дѣлъ. Но партія стараго времени и порядка была слишкомъ сильна; она коренилась, находила опору и сочувствіе въ самомъ народѣ. И вотъ поднялись со всѣхъ сторонъ обвиненія противъ грековъ и ихъ приверженцевъ, что они *замыслили* русскую землю. Къ тому же въ это время постоянно начали являться греч. инокѣ и послы греч. іерарховъ въ Русь за милостыней. Эти сборы, слишкомъ частые и притязательные, не всегда отличались чистотою побужденій. На Руси раздавались по временамъ голоса, открыто обвинявшіе всѣхъ грековъ въ сребролюбіи. «Греки сребролюбцы всѣ», писалъ въ своемъ сказаніи о хожденіи во Флоренцію Симеонъ суздаецъ, въ сказаніи, которое имѣло живой современный интересъ, потому что говорило объ одной изъ самыхъ чувствительныхъ сторонъ народной жизни, и которое, безъ сомнѣнія, было сильно распространено въ русскомъ народѣ. При такомъ взглядѣ на греческихъ собирателей милостыни въ русской землѣ, невольно приходило на память инымъ все, что могло оправдать подозрѣніе на счетъ грековъ,—и издержки при поставленіи нашихъ митрополитовъ въ Константинополь и промышленность грековъ съ ихъ странной торговой монополіей на Русь—казеннымъ кормомъ и квартирой. Подозрѣніе, недовольство греками были такъ сильны, а новый порядокъ такъ новъ, такъ неопредѣленъ, такъ нетвердъ, что само правительство не рѣшалось еще вступить открыто въ борьбу съ мнѣніемъ народа. Максимъ грекъ былъ обвиненъ въ ереси за то только, что онъ,—грекъ, осмѣлился говорить о недостаткахъ русскихъ богослужебныхъ книгъ; само правительство было, наконецъ, увлечено на сторону недовольныхъ и, уже при сынѣ Софій, внесло упомянутый нами

пунктъ въ архіерейскую присягу. Эта слабость правительства, этотъ слишкомъ опрометчивый поступокъ прямо бросался въ глаза народу: онъ удоставлялъ его въ неправославіи церкви греческой, такъ же какъ и церкви римской,—та и другая поставлены были рядомъ, на одну доску. Хотя Максимъ грекъ, пріобрѣвшій въ послѣдствіи авторитетъ у русскихъ, и писалъ противъ такого возмутительнаго факта; но имя его не разубѣждало народъ, а распространяло только въ народѣ слухи и съ ними свѣдѣнія о фактѣ.

Между тѣмъ событіе чисто постороннее для церкви, гражданское, вызвало со стороны константинопольскаго патріарха несовсѣмъ пріятное для русскихъ объясненіе. Іоаннъ IV принималъ царскій титулъ, вѣнчался царскимъ вѣнчаніемъ, и хотѣлъ получить еще на это благословеніе константинопольскаго патріарха. Тотъ призналъ за нимъ царскій титулъ, но въ то же время замѣтилъ, что не только митрополитъ московскій, но и никакой патріархъ, кромѣ двухъ, т. е. римскаго и константинопольскаго, не имѣетъ права давать и освящать царскій титулъ (*). Этимъ глубоко было оскорблено народное чувство русскихъ: патріархъ, нуждающійся въ признаніи своего сана отъ турка, присвоитъ себѣ право дать или не дать царскій титулъ государю народа православнаго, свободнаго, русскаго народа!.. Этимъ глубоко оскорбленъ былъ и Іоаннъ IV, рѣзко отзывавшійся въ послѣдствіи о грекахъ. Это обстоятельство дало понять русскимъ, что у нихъ недостаетъ одного важнаго лица, чтобы освободиться отъ всякой зависимости отъ патріарха цареградскаго, недостаетъ своего патріарха. Думалъ ли объ этомъ царь, мы не знаемъ; а если думалъ, то ему было не

(*) Чит. объ этомъ въ 1. ч. Сношеній Россіи съ Востокомъ, изд. Муравьева.

до осуществленія этой думы. Можно только съ вѣроятностію заключить, что окружающіе его и высшее русское духовенство думали объ этомъ: при сынѣ Іоанна они воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы завести съ Востокомъ переговоры о такомъ важномъ дѣлѣ. Переговоры имѣли успѣхъ: митрополитъ московскій сдѣлался московскимъ патріархомъ.

Казалось бы, возбужденные противъ греческой церкви умы русскаго народа теперь должны успокоиться, когда не стало случаевъ прямаго, рѣзкаго, часто обиднаго для русскихъ столкновенія съ цареградскою кафедрою. Но совершенно непредвидѣнные обстоятельства усилили прежнее броженіе умовъ, и учрежденіе патріаршества сдѣлалось новымъ орудіемъ и опорой для темныхъ людей въ борьбѣ съ авторитетомъ Востока.

Въ концѣ XVI столѣтія начали раздаваться обвиненія противъ восточныхъ патріарховъ въ южной Руси: будто они своими вѣшателствами производятъ церковныя смуты, раздоры между православными, и тѣмъ губятъ православіе. Голоса эти не могли не доходить до сѣверной, московской Руси. Греческое духовенство больше всѣхъ обвинялъ львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ. По отдаленности своей члены московской Руси не могли знать въ подробности его дѣйствій, его побужденій къ нимъ, его характера; для нихъ онъ былъ только защитникомъ православія противъ униі, слѣдовательно лицомъ, имѣвшимъ авторитетъ. Въ то же время такіе отзывы о греческихъ іерархахъ какъ бы нарочно оправдались въ лицѣ одного человѣка, и въ московской Руси. Въ началѣ XVII в. замѣшалась земля русская, престолъ московскій сдѣлался добычею человѣка неизвѣстнаго происхожденія; началась ожесточенная народная борьба, принявшая характеръ религіозный,—борьба за пра-

вославіе, произведшая въ русскихъ озлобленіе противъ латинъ и всего латинскаго. Религіозный характеръ приданъ былъ самому возстанію противъ перваго Лжедмитрія: его обвиняли въ приверженности къ латинству, въ желаніи ввести латинство въ московское государство,—челу доказательствомъ служила приверженность его къ папистамъ и ихъ обычаямъ, женитьба на паписткѣ безъ перекрещиванія ея, звѣчаніе ея царскимъ звѣнцомъ и другіе поступки. Все это было и признано нарушеніемъ православія, измѣною ему. Поэтому тогда же все это встрѣтило сильный протестъ со стороны народа и высшаго русскаго духовенства, во главѣ котораго стояли такія личности, какъ Гермогенъ, митрополитъ казанскій. Но сторону Дмитрія держалъ новозбранный имъ патріархъ Игнатій, и протестовавшіе главы духовенства были удалены въ свои епархіи. Новый патріархъ являлся тоже потаковникомъ латинамъ, измѣнникомъ православію, предателемъ его. Отзывы о немъ современниковъ русскихъ достаточно показываютъ, какъ смотрѣлъ народъ на патріарха и его дѣйствія. *Имятій былъ Грекъ....*

Мы видѣли, что въ нашей исторіи довольно было случаевъ, когда народныя столкновенія съ греками и греческимъ духовенствомъ давали нашему народу невыгодное понятіе о грекахъ. Этими случаями усиливались въ народѣ смутныя представленія о самой греческой церкви и возбуждалось къ ней недобрыя. Въ XVII вѣкѣ невыгодныя мнѣнія русскихъ о греческой церкви установились уже довольно твердо и сложились въ ясныхъ чертахъ. Въ примѣръ такихъ народныхъ мнѣній, которыя раздѣляло довольно значительное большинство, мы можемъ привести отзывы известной подложной редакціи *Проскинитарія* Суханова (*).

(*) Мы пользуемся этой редакціей по спискамъ библ. кав. дух. ака-

«Чѣмъ вы лучше насъ», говоритъ авторъ грекамъ. «Все ваше начало къ намъ перешло. Первое начало былъ у васъ царь благочестивъ, а нынѣ нѣту. И въ то мѣсто воздвигъ Господь Богъ на Москвѣ царя благочестиваго.... Паки скажу вамъ о второмъ начале: писано есть во второмъ вселенскомъ соборѣ, величатся сирѣчь украшались церковными утвари константинопольскому патриарху второму по римскомъ епископе сирѣчь папе. И у васъ нынѣ какъ и чѣмъ величатся патриарху, якоже римскому епископу?—Не могутъ патриархи ваши по граду со кресты ходитъ и на главѣ креста носитъ и на церкви креста ѿйти и надъ мертвецомъ у церкви отпѣватъ и по граду нести, или въ колокола звонити и на ослати ѣхатъ. И в то мѣсто папы у насъ на Москвѣ патриархъ, вмѣсто константинопольскаго, не токмо якоже вторымъ и по римскомъ величается, но якоже и первымъ епископъ римскимъ, сирѣчь якоже и древнимъ папа благочестивымъ церковною утварью украшается, занеже клубукъ бѣлый перваго папы селивестра римскаго на себѣ носить

деминъ бывшей соловецкой библіотеки, находящимся въ сборникахъ подъ № № 867 и 897. — Потому избрали мы это сочиненіе предпочтительно предъ извѣстными раскольническими сочиненіями, что оно полнѣе высказывается относительно интересующаго насъ вопроса и не отличается, какъ тѣ, особенной злобой и ругательствами; между тѣмъ въ немъ очень ярко отразился умственный строй тогдашняго русскаго общества.— Здѣсь мы не можемъ пройти молчаніемъ начала этой статьи. Въ немъ сербскій игуменъ говоритъ Суханову: «Греки горды и намъ сербамъ издавнихъ лѣтъ ненавидны (насъ ненавидятъ?). Какъ же мы сербы и болгары крестилися и государи же наши послали къ нимъ, чтобы онѣ намъ переложили книги на словенской языкъ, и они же намъ отказали, ненавиди насъ и чтобы имъ грекомъ у насъ быти во властехъ... Да и до сѣдѣхъ мѣсть насъ ненавиди греки, что мы по словенскимъ книгамъ чтемъ и архиепископа и митрополитовъ и епископъ и поновъ своихъ имѣемъ. А имъ же хочетца, чтобы всѣ онѣ у насъ владычествовали и тожде реди гордости греки и царство свое потеряли (л. 2 об. и 3)».

нынѣ, егоже по апостольскому явленью благочестивый царь Константинъ велѣлъ здѣлать отцу своему папе селивестру вмѣсто царьскаго вѣнца. И всякий святительскій чинъ и священническій и иноческій в московскомъ государствѣ украсился, якоже исперва бѣ въ римѣ и у васъ. И монастырей было у васъ много, иноковъ, а нынѣ только слѣдъ знать: церкви многіе бусорманы завладѣли и починили мечетями, христіане многіе побусорманились. Мощей святыхъ у васъ было много, и вы ихъ разносили по землямъ, и нынѣ у васъ нѣту, а у насъ стало много; да и наша земля Богъ многихъ прославилъ угодниковъ своихъ; мощи ихъ нетлѣнны лежать и чудеса творять, и риза спасителя нашего Бога Христа у насъ же (л. 31 об. и 32).

«У насъ на Москвѣ у государя царя и у епископа (т. е. патриарха) есть до пяти (седми) сотъ церквей, а у митрополита новгородскаго будетъ въ (2000) церквей. А у васъ что то за патриархъ и надъ кѣмъ онъ патриархъ, что одна церковь во всей его патриаршии? — патриархъ зоветца отцемъ началникъ, сирѣчь имѣетъ подъ собою митрополитовъ, архиепископовъ и епископовъ, — ино онъ кому началникъ: ано у него другой церкви нѣту и никакихъ отцевъ у него подъ началомъ нѣту» (л. 18).

«Чтѣтъ вы лучше насъ? — Еллинскаго учения и штанбы у себя не имате, и книги вамъ печатають въ венеции и во англїи, и еллинскому писанию ходите учиться в римѣ и в венецию, и дидаскалы всѣ у васъ отъ тѣхъ наукъ приходятъ къ вамъ; и тамъ онѣ будучи, якоже въ коростовомъ стадѣ и здравая скотина окоростовестъ, тако и ваши дидаскалы приходятъ къ вамъ из рима и из венеции всѣ шолудяви, якоже и Власїи дидаскаль реклъ, отъ науки римскихъ обычаевъ и васъ тому же учать; а вы ихъ во всемъ

слушаете; потому что у васъ своихъ книгъ нѣту еллинскому языку и книги отъ нихъ принимаете» (л. 30.)

«Вы говорите, что мы крещение отъ васъ приняли, ино чѣмъ вамъ тѣмъ величаться или укоряти насъ—скажите ми. Егда папа римскій благочестивъ былъ, то онъ ис пяти чювствъ начальное и головное былъ чюство-зрѣніе; а егда то зрѣніе тускомъ заволокло, сирѣчь ересию и расколѣмъ церковнымъ папа помрачился и свѣта видѣти право не можетъ: то четыре чюства сирѣчь патриархи и безъ зрѣнія, сирѣчь безъ папы, живутъ. Тако же и мы поможемъ нынѣ и безъ вашего учения быти. Папа егда благочестивъ былъ и въ то время которыхъ крестилъ, могутъ ли тѣ нынѣшняго папу слушат или ни? И хотя и нынѣшней папа тѣмъ надъ нами возноситься будетъ и ихъ укорятъ станеть, что они крестилися отъ риму, а его нынѣ не слушаютъ: то не могутъ ли ему тии отвещати: врачу изцѣлися самъ, сирѣчь прими вѣру тужь, которую первыя благочестивыя папы держали, отъ нихъ же мы вѣру приняли, и тогда хвалися надъ нами, что мы отъ васъ крещение приняли, и мы будемъ тебе за главу принимать. Также и мы вашимъ вопросамъ отвѣтъ даемъ: всеу вы хвалитесь тѣмъ, что мы будто отъ васъ крещение приняли. Мы крещение приняли отъ апостола Андрѣя. (л. 29). А хотябъ и отъ грекъ, но отъ тѣхъ, которые непорочно сохраняли правила святыхъ отецъ и апостолъ и седми вселенскихъ соборовъ, а не отъ нынѣшнихъ, которые не соблюдаютъ святыхъ апостолъ правила» (л. 6. об). Поэтому, «будеть добро стануть патриархи (въ Москву) писат, посылають, а есть ли не добро, ино на Москвѣ и четырехъ патриарховъ не послушаютъ; знаютъ у насъ древнее преданіе святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и безъ четырехъ патриарховъ. (л. 27 об). Могутъ на Москвѣ и четырехъ патри-

арховъ отиннут, якоже и папу; мы на Москвѣ проживаемъ и объ одномъ своемъ патриархѣ и съ митрополиты и со архиепископы и епископы. (л. 28). То ведь вамъ грекомъ не мочно ничево дѣлат без четырехъ патриарховъ своихъ: потому что въ царградѣ былъ царь благочестивыи единъ подь солнцемъ и онъ учинилъ четырехъ патриарховъ да папу в первыхъ, а нынѣ вѣсто того царя на Москвѣ государь царь благочестивыи и царство христьянское у насъ Богъ прославилъ и государь царь устроилъ у себя в своемъ царстве вѣсто папы патриарха в царствующемъ граде Москвѣ, идѣже и самъ царь, а вѣсто вашихъ четырехъ патриарховъ устроилъ государь, на царственныхъ мѣстахъ четырехъ патриарховъ, правити законъ Божию, занеже нынѣ у насъ глава православия царь благочестивыи » (л. 28 об).

Такъ подь вліяніемъ предубѣжденія, порожденнаго недоверіемъ къ грекамъ, образовалось въ народѣ двусмысленное отношеніе къ греческой церкви. Намъ нѣтъ нужды говорить о томъ, что церковь греческая, помимо народнаго характера грековъ, по мимо случайныхъ уклоненій греческаго духовенства, неизмѣнно хранила завѣщанное древностію православіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что при исправленіи нашихъ церковныхъ книгъ и обрядовъ въ духѣ древней истины православія нужно было имѣть въ виду согласіе съ древне-греческимъ богослуженіемъ. Тѣмъ не менше народныя предубѣжденія русскихъ имѣли сильное вліяніе на исторію нашего церковнаго исправленія. Въ нихъ заключается причина того, что въ исторіи книжнаго испра-

вленія рѣзко различаются два періода. Первоначально исправленіе книгъ совершается русскимъ духовенствомъ и притомъ при помощи старыхъ славянскихъ книгъ — конечно вслѣдствіе недовѣрія къ греческому духовенству и книгамъ греческой церкви. Даже официальные лица, имѣвшія вліяніе на духовное просвѣщеніе Россіи, каковы наприм. игумень Илія, нерѣдко называли греческія книги исполненными латинскимъ ученіемъ. Архимандритъ Діонисій, рѣшившійся исправить требникъ по греческимъ подлинникамъ, обвиненъ былъ въ ереси. Вотъ причины, по которымъ патріархи, вполнѣ сознавая нужду церковнаго исправленія и въ то же время видя народное недовѣріе къ грекамъ, долгое время остерегались попытокъ исправлять славянскія книги по греческимъ, долгое время довольствовались сличеніемъ избранныхъ для печати списковъ съ старинными славянскими. Конечно, при такомъ исключительномъ образѣ дѣйствій исправленіе было неполнѣ успѣшно. Но замѣчательно, что народъ не смотрѣлъ непріязненно на самое исправленіе книгъ, доколѣ оно производилось русскимъ духовенствомъ, безъ участія грековъ, по однимъ славянскимъ рукописямъ и книгамъ. Патріархъ Никонъ, стоявшій выше народныхъ предубѣжденій, повелъ церковное исправленіе иначе, и отношеніе народа къ книжному исправленію переизмѣнилось.

Никонъ убѣдился, что исправленіе нашихъ церковныхъ книгъ, не мало уклонившихся отъ первоначальной своей чистоты и согласія съ древне-греческими подлинниками, не можетъ-быть совершенно при помощи только своего духовенства и славянскихъ списковъ, отличавшихся необыкновеннымъ разнообразіемъ. Онъ обратился за необходимымъ содѣйствіемъ къ церкви греческой, и желая дать отчетъ въ предпринятомъ дѣлѣ предъ всею церковію, даже и на буду-

шія времена, хотѣлъ найти твердую опору своихъ дѣйствій въ согласномъ свидѣтельствѣ и одобреніи восточныхъ патріарховъ. Онъ объявилъ предъ соборомъ, что исправленіе русскихъ богослужбныхъ книгъ утверждаютъ восточные святители. Къ нимъ за благословеніемъ и яснымъ письменнымъ приговоромъ по этому дѣлу, отъ лица царя и патріарха посланъ былъ Мануиль Грекъ; а на Аѳонъ и въ другія мѣста Востока еще прежде посланъ былъ старецъ Арсеній Сухановъ, которому поручено было собирать греческія богослужбныя книги; въ то же время и на Руси производилось, по царскимъ и патріаршимъ грамотамъ, собраніе древне-русскихъ богослужбныхъ книгъ. Съ собранными книгами греческими и древнѣйшими славянскими сличали и исправляли находившіяся въ обращеніи. Во всемъ этомъ дѣлѣ, какъ въ началѣ, такъ и въ послѣдствіи, Никонъ всегда старался поставить на видъ авторитетъ Востока, греческія книги, согласіе вселенскихъ патріарховъ и пр. Эти частыя указанія на примѣръ греческой церкви скоро были заподозрѣны и повели къ открытымъ нареканіямъ. Какъ скоро греки для многихъ казались на Руси святалями *латинскихъ ересей*, то преданность патріарха греческой церкви была истолкована какъ приверженность къ латинству. На это прежде всего указали враги Никона. Потомъ, когда дѣло было сдѣлано, и исправленныя книги стали вводить въ употребленіе, тогда каждая разность ихъ съ старыми книгами для людей несвѣдущихъ казалась, по собственному ихъ признанію, латинской ересью. Противъ Никона возстали жаркіе приверженцы *русскаго* православія, русскіе грамотники, которыхъ народъ довѣрялъ вполнѣ и охотно имъ вѣрялся, какъ своимъ руководителямъ. До времени народъ не понималъ, въ чемъ дѣло, и сослѣзая провожалъ изъ Москвы Никона, прежняго своего благодѣ-

теля и коридорца, а когда ему стали толковать (*) дѣло Никона въ известномъ смыслѣ, этимъ самымъ въ народѣ была приготовлена та сильная оппозиція претивъ церкви, которая раскрылась въ расколь.

(*) Однимъ этимъ толкованіемъ едва ли можно было произвести расколъ. Пусть въ народѣ было предубѣжденіе противъ грековъ, греческой церкви, противъ связей Никона съ греками; но предположимъ, что книжное исправленіе Никона само въ себѣ, при всей данной ему внѣшней обстановкѣ, разлилось бы малымъ чѣмъ отъ прежнихъ исправленій, противъ которыхъ не возставалъ народъ, — произошелъ ли бы расколъ, несмотря на всѣ усилія толкователей, будто въ этихъ исправленіяхъ латинство? Развѣ съ другой стороны не толковали народу, что тутъ нѣтъ никакого латинства? Отъ чего же тяготѣвшіе къ расколу не вѣрили этимъ послѣднимъ толкованіемъ? Мы хотимъ обратить вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство: исправленіе Никонovo, оставаясь строго православнымъ, не было ли во многихъ случаяхъ, вмѣсто исправленія, новымъ переводомъ, слишкомъ букввальнымъ, удалившимся отъ чистоты и характера языка церковно-славянскаго, который былъ близокъ къ рѣчи народной и былъ понятенъ народу. тогда какъ новое исправленіе, какъ новый переводъ, слишкомъ тлотившій къ строгости греческаго языка, самую непонятностію своею не могъ ли поселить въ народѣ недоразумѣнія, будто новоправленныя книги суть книги новыя, какъ бы новосоставленныя? Возмите въ примѣръ переводъ прмоса: *Любимы убо намъ, яко безбѣдное страхомъ, удобнѣе молчаніе* и проч. Развѣ это славянская рѣчь?... Тутъ сами толкователи, вожди раскола, конечно, не могли ничего понять. Пусть, ихъ толкованія несправедливы, но они искренно могли толковать, что тутъ новшества, и народъ не могъ имъ не вѣрить, потому что чувствовалъ, что тутъ какія-то новшества, которыхъ прежде онъ не слышалъ и теперь не понимаетъ; потому ему легче было толковать, будто тутъ ересь, чѣмъ вразумить, что ереси нѣтъ, а только перемѣна словъ. А какъ споро въ самомъ народномъ сознаніи нашло себѣ доступъ предубѣжденіе относительно новыхъ книгъ: тогда, безъ сомнѣнія, не трудно было укоренить въ немъ, мысль, что новшества этихъ книгъ суть латинскія и проч., по тѣмъ соображеніямъ, какія изложены выше авторомъ этой замѣчательной статьи. *Прим. Ред.*

Пока зачинщики раскола видѣли въ исправленіи книгъ дѣло одного лица, къ которому у нѣкоторыхъ изъ нихъ были еще личныя отношенія, пока они ниѣли еще на своей сторонѣ нѣкоторыхъ изъ вышшаго духовенства, многіе изъ нихъ покорились *русскому собору 1666 юда*, который притомъ поднималъ вопросъ о православіи греческихъ іерарховъ и употребляемыхъ ими при богослуженіи книгъ. Они надѣялись, конечно, на возвращеніе стараго порядка дѣлъ, на возвращеніе *древняго благодетѣля*, какъ они понимали его, тѣмъ болѣе, что сверженіе Никона съ патриаршескаго престола тогда было уже почти рѣшено. Когда же въ Москву явились восточные іерархи на соборъ 1667 года, и русскіе отцы собора во всемъ оказались согласны съ ними; когда всѣ распоряженія Никона по устройству церковнаго благочинія были утверждены, а на ослушниковъ церкви, не покорявшихся вновь утвержденному порядку, произнесена анаѣема: тогда окончательно отпали оставшіеся до времени въ общеніи съ церковію, и расколъ отвергъ уже и русскую церковь какъ *еретическую*.

Всѣ знали, что Никонъ не имѣлъ никакого общенія съ дѣйствительными латинами, и даже въ житейскомъ быту преслѣдовалъ многое, что выходило отъ латинъ съ Запада. Всѣ видѣли, что имѣлъ онъ общеніе съ греками, руководился ихъ совѣтами и указаніями, и ссылался притомъ на учительный авторитетъ греческой церкви. За эту-то приверженность къ грекамъ, Нероновъ и другіе обвиняли Никона въ ереси, въ латинствѣ, называя грековъ еретиками, латинами, сѣятелями ересей на Руси. Боязнь латинства, боязнь за неприкосновенность *русскаго* православія возбуждали въ народѣ противленіе дѣлу Никона, въ народѣ, которому еще недавно слишкомъ дорого обошлось латинство. Волненіе

народа поддерживалось частію духовенства, которое, привыкши къ старымъ книгамъ, тяготилось новыми, вздыхало о старинѣ, сѣтовало на исправленіе русскихъ книгъ по греческимъ, выражая свои сомнѣнія въ православіи послѣднихъ, жаловалось на крутыя мѣры патріарха. Частые соборы поддерживали напряженіе умовъ. Вотъ начали распространяться изъ Москвы слухи, что нашлись обличители патріарха, что патріархъ не могъ доказать имъ правоты своей и заточилъ ихъ. Когда при такомъ томительномъ напряженіи умовъ, повезли въ заточеніе іосифовскихъ справщиковъ съ братією, народъ, съ нетерпѣніемъ ждавшій положительныхъ вѣстей, жадно ловилъ слова этихъ первыхъ пропагандистовъ раскола, слова, полныя силы простой рѣчи, полныя убѣжденія, и—окончательно увѣрился въ еретичности патріарха; отпадая отъ патріарха, онъ отпадалъ потомъ и отъ всей русской церкви по мѣрѣ того, какъ новоисправленные книги распространялись въ употребленіи на мѣсто старыхъ. Съ этой точки зрѣнія намъ кажется понятнѣе то сильное влеченіе народа къ расколу, которое сдѣлало расколъ дѣломъ народнымъ. Изъ-за одной буквы народъ едвали сталъ бы подвергать себя тѣмъ жестокимъ преслѣдованіямъ, которыя начались тогда противъ приверженцевъ раскола. Расколъ нельзя считать отдѣленіемъ отъ церкви нѣкотораго числа ея членовъ изъ-за разности въ книжной буквѣ (*) и обрядахъ: разность бывала и прежде, а не служила однако причиной раскола; въ настоящемъ же случаѣ разность только послужила и служить внѣшней формой раскола, стѣной, раздѣляющей двѣ, не понявшія пока другъ друга, стороны. Одна эта разность не могла бы дать жизни расколу, не могла бы раз-

(*) Здѣсь мы опять напоминаемъ сдѣланное выше нами примѣч. Ред.

дражить народныхъ инстинктовъ въ дѣлѣ Вѣры. Православіе въ представленіяхъ народа слилось съ духомъ народности русской. Измѣна православію въ пользу латинства, которое по тѣмъ же народнымъ понятіямъ исказило и поработило духъ церкви греческой,—вотъ явленіе, котораго не могъ народъ принять равнодушно. Усиленіе раскола въ послѣдующія времена и его народность равно объясняется тѣмъ, что съ реформы Петра русская жизнь вступила въ тѣсное сближеніе съ *Западомъ*: въ кодексъ раскольническихъ догматовъ вошло отрицаніе обычаевъ, принятыхъ со времени реформы, вслѣдствіе того же понятія о *латинствующемъ западѣ*. Однакожъ и здѣсь мы можемъ повторить, что не буква произвела расколъ, не буква и одушевляетъ его. Мы знаемъ, что исторія раскола не остановилась на одной буквѣ; она имѣла движеніе и развитіе, которое, особенно въ новѣйшее время, далеко уже переступило границы буквы.

Казань.

В. Огневъ.